

ИЮНЬ
1937 г. 6

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

Редакция:

Москва, Пушкинская, д. 15а

Пятнадцать лет советской прокуратуры

16 июня 1937 г. исполняется 15 лет со дня опубликования постановления 3 сессии ВЦИК IX созыва об учреждении прокуратуры.

В первый период пролетарской революции, вплоть до конца периода военного коммунизма, в советском государстве не существовало прокуратуры как особого органа государственной власти, осуществляющего надзор за соблюдением революционной законности и борьбу со всякого рода преступлениями, направленными против советского государства и интересов трудящихся.

Учреждение прокуратуры было вызвано изменением всей общественно-политической обстановки, связанным с переходом к новой экономической политике и с новой постановкой всей проблемы революционной законности и ее роли в борьбе за интересы советского государства.

О задачах и характере революционной законности этого первого периода нэпа товарищ Сталин специально говорил в докладе на объединенном пленуме ЦКК и ЦК ВКП(б) 7 декабря 1933 г.:

«Революционная законность первого периода нэпа, — говорил товарищ Сталин в этом своем докладе, — обращалась своим острием главным образом против крайностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискаций и поборов. Она гарантировала частному хозяину, единоличнику, капиталисту сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими советских законов. Совершенно поному обстоит дело с революционной законностью в наше время. Революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которого давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве, против хулиганов и расхитителей общественной собственности»¹.

В этих словах товарища Сталина содержится исчерпывающая характеристика основного содержания революционной законности первого периода новой экономической политики, т. е. того периода, когда была учреждена советская прокуратура, призванная к борьбе за дальнейшее утверждение и укрепление, развитие и успехи советской социалистической революционной законности.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 509.

Грубым извращением истории является утверждение, будто революционная законность была порождена новой экономической политикой, будто лишь с переходом к новой экономической политике стал вопрос в советском государстве о твердом и точном соблюдении законов и, следовательно, об укреплении системы органов, призванных к охране и осуществлению революционной законности.

Революционная законность с самого начала пролетарской революции всегда являлась одной из важнейших функций пролетарской диктатуры.

Еще в 1918 г. в декрете «О точном соблюдении законов» рабоче-крестьянское правительство указывало, что точное соблюдение законов РСФСР «необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в советской России».

В этом декрете мы читаем призыв от имени советского правительства ко всем гражданам республики, всем органам и всем должностным лицам советской власти «к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений».

Как бы предвидя неизбежность временных отступлений от действующих законов, вызванных исключительностью обстановки гражданской войны и сложностью обстоятельств, этот декрет установил правила, обязывающие при всяком отступлении от действующих законов в силу «экстренных условий гражданской войны и борьбы с контрреволюцией» необходимость особого оформления этих отступлений с представлением гражданских прав обжалования действий должностных лиц.

В 1919 г. в своем письме по поводу побед над Колчаком Ленин, особо говоря о революционной законности, указывал, что соблюдение строжайшего революционного порядка является условием того, чтобы «до конца уничтожить Колчака и Деникина». Ленин писал о необходимости «соблюдать свято законы и предписания советской власти и следить за их исполнением всеми».

Ленин писал: «Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка—есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся, — есть зацепка для побед Колчака и Деникина»¹.

Таким образом задолго до перехода к новой экономической политике вопросы революцион-

ной законности со всей остротой были уже поставлены нашей партией и правительством и разрешены в полном соответствии с интересами пролетарской революции. Важно подчеркнуть, что, отмечая сложность и своеобразие борьбы с классовым врагом после победы пролетариата, Ленин указывал, что «помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными», что они «только разбиты и попрыгались, попрыгались, переродились очень часто в «советский», «защитный» цвет... На каждом шагу подкарауливают они ошибки советской власти, слабость ее, чтобы сбросить ее...»².

Вот почему уже тогда Ленин подчеркивал необходимость уметь ловить этих врагов советского народа и карать их беспощадно. Мы знаем, что это предупреждение нашей партии было впоследствии не раз повторено. Мы знаем, что это предупреждение не раз оправдывалось, о чем свидетельствуют десятки и сотни заговоров, восстаний, всевозможных преступлений, организованных буржуазной контрреволюцией и ее агентурой в лице меньшевиков, эсеров, троцкистов, правых и т. п. нечисти.

На майской Всероссийской конференции РКП(б) (1921 г.) Ленин еще раз говорил о необходимости бороться против пролезших в наши учреждения врагов, «которые теперь интересы своего класса видят в том, чтобы нам делать гадости, мешать нам работать, которые думают, что спасут культуру, подготавливая большевиков к падению, которые знают канцелярское дело в сто раз лучше, чем мы»³.

Война с этим врагом трудна и сложна, с ним нужно воевать по всем правилам искусства, уметь находить виноватого, уметь вовремя отдавать его под суд, уметь карать его беспощадно. Так ставил вопрос Ленин, так ставил вопрос Сталин, так ставил вопрос наша партия.

Переход к новой экономической политике, допущение в известных пределах свободы торговли, введение свободного оборота создавали ряд новых и сложных обстоятельств, без учета которых нельзя было дальше успешно вести борьбу. Переход к новой экономической политике вовсе не означал развязывания мелкобуржуазной стихии. Задача заключалась в том, чтобы на основе этой новой экономической политики подготовить условия к окончательному разгрому капиталистических элементов, к окончательной победе социализма.

Здесь, конечно, было немало опасностей.

«Получается, — говорил Ленин, — на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно, закрывать глаза на это смешно. Спрашивается, необходим ли этот вопрос, можно ли оправдать этот вопрос, не опасен ли этот вопрос». И Ленин отвечал: «Вопросов подобного рода задается много, и в большинстве случаев они обнаруживают наивность (выражаясь мягко) задающего такие вопросы»⁴.

Да, опасности были немалые. Но этим опасностям Ленин и наша партия противопоставили всю силу нового пролетарского государ-

ства, против этих опасностей они мобилизовали и такие органы пролетарского государства как ВЧК (ОГПУ), суд и прокуратуру.

Переход к нэпу неизбежно должен был породить новые и разнообразные преступления, возродить чаяния и надежды эксплуататоров на восстановление «потерянного рая». Классовый враг неизбежно должен был использовать в своей борьбе за утерянные позиции, за отнятое у него экономическое и политическое господство все средства и способы, как бы грязны и подлы они ни были. И враг использует все средства борьбы и «всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса...»⁵.

Учреждение прокуратуры было вызвано стремлением еще более усилить позиции советского государства в борьбе против капиталистических элементов, в борьбе против преступников, пускающих в ход спекуляцию, хищения, жульничество, всякие воровские махинации, чтобы расшатать и ослабить советскую власть и новую общественную дисциплину, чтобы попытаться разрушить новый советский строй и вернуться к старым условиям жизни, позволявшим безнаказано и в меру своих волчьих appetитов эксплуатировать трудящихся.

Так ставился вопрос о прокуратуре как органе борьбы за советский правопорядок, за новые общественные отношения, за социализм.

Именно так стоял вопрос и на IX всероссийском съезде советов. На этом съезде Ленин говорил о том, как наши враги, — «господа капиталисты, российские и иностранные» — своими интригами и происками пытались нас удущить и как умело эти интриги и происки отражала ВЧК, когда враги «нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу»⁶.

Ленин говорил: «Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК...»⁷.

«Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергать советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение как ВЧК. Это мы можем и всякому гарантировать. Но, вместе с тем, мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими»⁸.

Таковы были предпосылки организации прокуратуры, предпосылки, подготовленные всем ходом и развитием пролетарской революции и всеми особенностями нового этапа, в который наша революция вступила в 1921—1922 гг. Декрет об учреждении прокуратуры был подписан 28 мая 1922 г., но уже 25 августа 1921 г. совет-

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 434.

² Там же.

³ Ленин, т. XXVI, стр. 406.

⁴ Ленин, т. XXVI, стр. 333.

⁵ Ленин, т. XXII, стр. 460.

⁶ Ленин, т. XXVII, стр. 139.

⁷ Ленин, т. XXVII, стр. 139.

⁸ Ленин, т. XXVII, стр. 140.

ское правительство в специальном докладе поставило перед всеми органами советской власти и должностными лицами задачу осуществлять свою деятельность в строгом соответствии с законами. В этом декрете (25 августа 1921 г.) указывалось на эту задачу с тем, чтобы «советскими органами и всем населением было ясно усвоено, что проведение в жизнь начала революционной законности является одной из самых насущных потребностей советской республики (СУ 1932, № 36, ст. 424).

Это обстоятельство свидетельствует о том, что учреждение прокуратуры явилось завершением целой системы мероприятий, проводившихся в течение ряда лет в интересах упрочения у нас революционной законности. Ответ на вопрос о причинах, вызвавших к жизни советскую прокуратуру дал Ленин на IX всероссийском съезде советов, сказав: «По-являю, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло»¹.

Организация прокуратуры явилась крупнейшим событием общественно-политического значения. Вокруг вопроса об учреждении прокуратуры развернулись горячие споры, и в частности, на 3 сессии ВЦИК IX созыва. Многие члены ВЦИК высказывали сомнение в целесообразности учреждения прокуратуры, указывая, что проект об организации прокуратуры создает «нечто параллельное в виде второго юридического государства, параллельное с государством хозяйственным»².

В своем историческом письме на имя товарища Сталина для политбюро «О «двойном» подчинении и законности»³ Ленин указывал на разногласия, вызванные вопросом о прокуратуре в самой комиссии ЦК партии, назначенной для руководства работами сессии ВЦИК. Как известно, сущность этих разногласий состояла в том, что большинство комиссии возражало против того, чтобы местные представители прокуратуры назначались только центром и были подчинены только центру.

«Большинство требует, — писал в этом письме т. Ленин, — так называемого «двойного» подчинения, которое установлено вообще для всех местных работников, т. е. подчинение их, с одной стороны, центру в лице соответствующего наркомата, с другой стороны — местному губисполкому»¹. Вокруг этого вопроса и разгорелся основной спор, спор не утихавший, по существу, до самого последнего времени, т. е. до постановления об учреждении союзного Наркомата юстиции и выделения прокура-

туры из наркоматов юстиции союзных республик с подчинением прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей только Прокурору Союза ССР.

Сторонники «двойного» подчинения изо всех сил выбивались, чтобы доказать правильность такого положения, чтобы убедить в необходимости поставить прокуратуру в организационную зависимость от местных органов власти. Одни говорили, что учреждение прокуратуры бьет в самое сердце принципу организации местной власти, что учреждение прокуратуры означает, «что функции власти у губисполкома отменяются и сосредоточиваются в руках центральной власти». Другие говорили о том, что учреждение прокуратуры — «это попытка в новой форме проводить главкизм. Это есть нагромождение препятствий к проявлению инициативы на местах». Третьи говорили, что само наименование нового органа прокуратурой вызывает возбужденные настроения. Четвертые доказывали, что проектом учреждения прокуратуры «над губисполкомами хотят поставить нянек», что «этот проект доказывает неверие в силы губисполкомов» и т. д.

Все эти смехотворные утверждения резко раскритиковал на 3 сессии ВЦИК М. И. Калинин, разоблачивший грубые ошибки сторонников «двойного» подчинения.

Возражая, в частности, тем, кто высказывался против самого названия прокуратуры, М. И. Калинин говорил: «По-моему ничего страшного в названии прокурора нет. У нас слово «прокурор» связано с тем именно, что прежняя прокуратура служила старому царскому правительству, она не была самостоятельна. За это-то качество как раз и обвиняют проект... Он (проект, А. В.) именно призван для наблюдения за законностью». И дальше: «Мы, марксисты, великолепно понимаем и знаем, что юридические доктрины есть только надстройка. Когда мы сознательно творим свою жизнь, то позволюте сказать, что этой надстройкой мы стремимся двигать, толкать и развивать человечество, приближать его к коммунистическому строю. Эта надстройка по существу добивается той же цели, что и экономическое основание. Какой цели? Она стремится внедрить коммунистическую законность в сознание каждого гражданина советской республики, хотя бы этот гражданин был кочующий киргиз, находящийся на расстоянии десяти тысяч верст от Москвы, чтобы он был горд сознанием, что у него есть возможность отыскивать эти права. Он может идти до какой-то отдаленной Москвы, с которой он соединен федеративными узами. Не придавать значения развитию правового сознания у многомиллионного народа марксист ни в коем случае не может. Поэтому я думаю, что отказ от прокуратуры есть полное непонимание основных задач советской власти. Мы переживаем период, когда этот институт, в той или другой форме, должен быть введен»¹.

Спор по вопросу об учреждении прокуратуры носил действительно глубоко принципиальный характер. Дело шло, в сущности говоря, о том — быть ли у нас законности не «калужской» или «казанской», а единой всероссийской и даже единой для всей федерации советских республик (Ленин).

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 140.

² Сессия ВЦИК IX созыва, бюллетень 1922, № 3.

³ Ленин, т. XXVII, стр. 298.

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 298.